

Ксения Лученко

матушки

жены священников
о жизни и о себе

Светлана Соколова
Ольга Ганаба
Лилия Лобашинская
Марина Митрофанова
Лариса Первозванская
Олеся Николаева
Анастасия Сорокина
Ольга Юревич
Наталья Бреева

Ксения Валерьевна Лученко
Матушки: Жены
священников о жизни и о себе
Серия «Люди Церкви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504675

*Матушки: Жены священников о жизни о себе. / Лученко К. В.: Никея;
Москва; 2012*

ISBN 978-5-91761-158-7

Аннотация

В этой книге собраны рассказы жен священников о своей жизни. Их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников называют «батюшками». Как правило, семейная жизнь духовенства тщательно скрывается от постороннего взгляда. Жизненный опыт матушек – во многом опыт ежедневных жертв. Но проблемы у нас у всех общие. Как их преодолевают матушки, жены тех священников, к которым мы часто обращаемся за советом?

Содержание

Об этой книге	6
Олеся Николаева	10
Ольга Ганаба	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ксения Валерьевна Лученко Матушки. Жены священников о жизни и о себе

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви

В книге использованы фотографии из семейных архивов героев, а также фотографии М. Мусеева, Ю. Маковейчук, С. Чапнина, В. Ходакова

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте

www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – по-

жалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Об этой книге

Книга, которую вы держите в руках, – это рассказы девяти женщин о своей жизни. Все эти женщины очень разные: москвички и петербурженки, работающие и домохозяйки, разного возраста и воспитания, у кого-то из них много детей, у кого-то нет, кто-то вырос в православной семье, а кто-то пришел к вере в зрелом возрасте. Объединяет их одно: это жёны священников; их называют «матушками», по аналогии с тем, как священников при обращении к ним называют «батюшками». Основа книги – прямая речь. Каждая героиня рассказывает о своей семье, своем жизненном пути, о доме и близких, о детстве и обстоятельствах сегодняшней жизни.

Признаюсь, с матушками было трудно договориться об интервью. Как правило, семейная жизнь духовенства тщательно скрывается от постороннего взгляда. Матушки внимательно следят за впечатлением, которое они производят, ведь по ним судят и об их муже, и о приходе, на котором муж служит. Их жизненный опыт – во многом опыт ежедневных жертв и компромиссов, с одной стороны, и постоянного творческого переосмысления семейных традиций – с другой. Кто-то готов часами делиться этим опытом, другие – лишь пунктиром намечают главное. Поэтому тексты, вошедшие в этот сборник, очень неоднородны: каждый отражает харак-

тер и личную философию героини.

И вместе с тем эта книга не сборник советов по практическому устройению православной семьи. Напротив, чем старше и опытнее матушка, тем меньше она склонна давать советы. Чтение этих историй помогает разрушить стереотипы. Нет идеальных православных семей. Есть очень разные реальные семьи, каждая – отдельный живой организм. Впрочем, книга и не о семье как таковой. Она о судьбах, о преемстве поколений – в семье и в Церкви. Поэтому многие героини стремятся как можно больше рассказать о том, откуда они родом: о предках, о детстве, родительских семьях. В рассказе Анастасии Сорокиной читателю приоткрывается мир Печор и Псково-Печерского монастыря в 1970-х годах. Ольга Ганаба говорит о подмосковной приходской жизни того же периода, но ведет свой рассказ с гораздо более раннего времени – с 1920-1930-х годов, когда ее отец, архиепископ Мелхиседек (Лебедев), начинал свое церковное служение. В рассказе матушки Наталии Бреевой предстает церковная Москва 1950-х годов, но из описания трагических страниц семейной истории читатель узнает и о коллективизации, и о блокаде Ленинграда. В этих простых рассказах обычных женщин, ставших свидетельницами времени, оживает история России и Церкви в XX веке.

Ольга Юревич и Калисса Лобашинская, обе москвички, рассказывают, как поехали за своими мужьями: одна – в Сибирь, другая – в маленький городок в Калужской области.

Светлана Соколова делится воспоминаниями о том, как, будучи студенткой Московской консерватории, из далеких от Церкви кругов, входила в семью Соколовых, священнический род которых, не прерываясь, существовал триста лет, как приняли ее, некрещеную девочку, в семье будущего мужа, продолжательницей традиций которой ей суждено было стать. Олеся Николаева говорит о людях, которых встречала она и ее муж, протоиерей Владимир Вигилянский, на своем пути в Церковь.

Отдельная тема, которой так или иначе касаются все героини, – детство. Порой от кратких – всего несколько строчек, а порой подробных, детальных рассказов о своем детстве они перекидывают мостик к собственным детям. Слово «воспитание» слишком холодное, официальное, чтобы описать отношение к детям в семьях, о которых идет речь. Почти все героини книги рано или поздно столкнулись с выбором между своей

работой (чаще всего – любимой) и детьми. Кто-то, как Марина Митрофанова, не смог оставить сына в детском саду, кто-то, как Ольга Ганаба, увидел, что без маминой поддержки очень трудно дочке-подростку. Физик-ядерщик Лариса Первозванская и архитектор Ольга Юревич отказались от карьеры, потому что семьи стали многодетными.

Конечно, девять небольших рассказов не могут охватить всего многообразия семейной и церковной жизни. Но они дают возможность читателю задуматься о том, что такое се-

мья и преемственность поколений. Пристальное взглядывание в жизненную философию современных христиан может помочь увидеть проявление живого, творческого начала в тех областях нашей жизни, о которых современная литература и публицистика говорят слишком редко.

И последнее. Я благодарю всех матушек, которые согласились участвовать в работе над этой книгой. Я прекрасно понимаю, что и для них, и для их батюшек это было непростое решение, и тем не менее они согласились рискнуть.

Очень надеюсь, что у этой книги будет продолжение.

Ксения Лученко

Олеся Николаева

Протоиерей Владимир Вигилянский (р. 1951) – руководитель пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси, клирик домового храма мученицы Татианы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, публицист и литературный критик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза журналистов России и Союза российских писателей.

Олеся (Ольга) Николаева (р. 1955) – поэт, прозаик, эссеист, автор нескольких книг стихов и романов, лауреат множества премий, в том числе Российской национальной премии «Поэт». Преподает литературное мастерство в Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей; член русского Пен-центра. Вырастила троих детей.

Я родилась в московской писательской семье. Мой отец – Александр Николаев – писал стихи, был заместителем главного редактора журнала «Дружба народов», а моя мать была журналисткой и переводчицей. Мое детство совпало с хрущевской «оттепелью» – временем, которое казалось интеллигенции очень радужным. Вот и атмосфера нашего дома всегда была праздничной: дом был полон друзей и гостей, среди которых оказывались и известные поэты, и режиссеры, и актеры. Кстати, это ощущение праздничности жизни – жизни как праздника – у меня осталось до сих пор, правда, само понятие праздника изменилось.

Из людей, с которыми дружили мои родители, кажется,

никто в ту пору в храм не ходил. Единственный церковный человек, который был рядом, – это моя бабушка Надя. Но жила она с другими внучками, которых и покрестила во младенчестве, а меня как-то не очень церковно просвещала. Может быть, она считала, что этим должны заниматься мои родители. Правда, она время от времени рассказывала мне удивительные истории про святых и юродивых, про пророчество юродивой Паши Саровской Государю Императору о рождении сына, который «наследником будет, а царем – нет». Все это, как я слышала от бабушки, юродивая Паша наглядно изображала, играя в тряпичные куколки, что меня очень поразило.

Кроме того, папа, когда мне было семь лет, повез меня с собой в командировку в Ленинград, там повел в Исаакиевский и Казанский соборы, в Русский музей, в Эрмитаж, где было много икон и картин на евангельские сюжеты, и очень подробно и точно объяснял, что на этих иконах явлено, а на картинах изображено. Так я узнала о Христе, увидела Его распятым на Кресте и тогда сразу же уверовала в Него. Фреска «Избиение младенцев», картины «Страдания мученика Севастиана», «Распятие апостола Петра» и т. д. – все это меня потрясло.

А когда я училась в седьмом классе, я поехала на зимние каникулы со своим классом на экскурсию в Киев. Возвращаясь из Лавры, мы очень долго ждали трамвай, было холодно, я ужасно замерзла. А остановка располагалась прямо перед

храмом. И учительница повела нас туда погреться.

Шла Божественная литургия – как раз только что началось причастие, и верующие стали подходить к Чаше. Я стояла и смотрела на них с неожиданным для себя чувством горчайшего сожаления, что я не могу быть с ними. Я поняла, что со мной происходит какая-то трагедия, потому что и этот храм, и Иисус Христос на распятии, и эти звуки, и эти запахи, и дрожание этих свечей, – все здесь было МОИМ, а я была отрезана от этого пропастью.

С ранней юности я очень много читала. Любила я не только литературу, но и религиозную философию: мне представлялось, что это приближает меня к Богу. Читала я и толстовское переложение Евангелия, даже и не подозревая о том, что оно – еретическое. Но, может быть, Господь закрыл тогда мое сердце для нечестивых словес, потому что потом, когда я добыла Евангелие подлинное, мне казалось, что я испытываю радость УЗНАВАНИЯ, то есть что я его уже знаю и именно таким, какое оно есть.

Как только среди моих знакомых появился церковный человек, я попросила его, чтобы он помог мне покреститься. Мне было уже 23 года. Этот человек привез меня сначала к отцу Всеволоду Шпиллеру в Николо-Кузнецкий храм, а отец Всеволод благословил нас тут же отправиться в Отрадное к отцу Валериану Кречетову.

Отец Валериан задал мне несколько вопросов да сразу и покрестил меня, хотя у него только что закончились крести-

ны и дело шло уже к вечеру. А через два дня он покрестил и моих крошечных детей, а еще через два года – уже и моего мужа, который потом стал священником – иереем Владимиром Вигилянским. И наконец, четыре года спустя он покрестил и мою умирающую мать, которая после этого буквально восстала от одра болезни и прожила еще почти 25 лет.

Однако покреститься-то я покрестилась и даже причастилась один раз, и даже детей стала водить к причастию каждое воскресенье, но самой мне что-то очень мешало стать человеком церковным. Это «что-то» было, как я теперь понимаю, усвоено мной из той же религиозной философии – во всяком случае, рассуждения Николая Бердяева о несовместимости смирения и творчества произвели на меня впечатление, и я искренне полагала, что надо выбирать что-то одно... Что историческая Церковь не для меня... Что у меня есть Церковь «внутренняя», «внутренняя молельня, по слову Владимира Соловьева... Чтобы опровергнуть это заблуждение, необходимо было какое-то сильное потрясение, должно было что-то произойти.

И тогда Господь привел меня самым чудесным образом в Ракитное, райцентр Белгородской области, где служил в Никольском храме архимандрит Серафим (Тяпочкин), человек святой жизни. Я попала туда в Страстную Пятницу, служба была очень долгой – Погребение Плащаницы перетекало в Божественную литургию. А я все богослужение стояла, не смея ни присесть, ни выйти из храма, потому что мне каза-

лось, что именно сейчас решается моя судьба.

К вечеру Светлого Христова Воскресения отец Серафим умер, и на похороны к нему съехалось множество духовных чад со всего Советского Союза, среди которых были архиереи, священники и монахи. Приехал и мой муж. День и ночь в храме шли богослужения, иереи по очереди читали Евангелие над телом усопшего архимандрита. Мы исповедовались, причащались и незаметно «влились» в церковную жизнь. Можно сказать, что эти несколько дней в Ракитном изменили все мои прежние представления.

Мы стали ходить в церковь, ездить по монастырям, у нас появился духовный отец и духовные наставники из числа духовенства. Со многими монахами и священниками мы подружились на всю жизнь. Ну а потом Господь привел и моего мужа к священству. Все это так или иначе описано в моих книгах – особенно в романе «Тутти» и в повести «Корфу».

В этом же романе и в этой же повести я рассказываю о том, как Господь соединил мою судьбу с судьбой моего мужа. Дело в том, что я за несколько лет и до нашего брака, и даже до нашего знакомства получила извещение, что именно этот человек будет моим мужем.

А мой муж за несколько лет до своего священства, еще когда он об этом и помыслить не смел, получил некое уведомление от архимандрита Геннадия (затем – схиархимандрита Григория), служившего в храме села Покровское Белгородской епархии, что он из молодого человека по имени

Володя превратится в иерея Владимира.

Таким образом, мой муж стал священником уже в очень зрелом возрасте, когда он вовсю проявил себя на своем профессиональном поприще литературного критика, журналиста и издателя. А я к тому времени уже была писательница, довольно известная, во всяком случае, мое имя уже успело попасть во всякие литературные энциклопедии, словари и антологии поэзии, не только российские, но и зарубежные. Кроме того, я преподавала литературное мастерство в Литературном институте им. Горького, где вела семинар поэзии.

Наша жизнь всегда была очень насыщенной – работой, заботой о детях, общением с людьми, но когда мой муж стал священником, она стала невероятно богатой трудами в поте лица своего, событиями, человеческими судьбами, с которыми пришлось соприкасаться вплотную. А вот всякими материальными удобствами и развлечениями она сделалась сразу невероятно скудна. Мы жили под Москвой в писательском поселке Переделкино, и мне пришлось послужить моему мужу в качестве шофера – я возила его то на богослужение, то на беседы с прихожанами, которые проводились в храме, то на лекции в Православный университет, где он тогда читал лекции и был деканом факультета церковной журналистики. Ездил я на машине «Москвич», которая, как ее ни чини, непрестанно ломалась. Это были постоянные приключения – никогда не знаешь, каким образом доберешься до дома – на машине ли, или на буксире. Зимой, когда мы

рано-рано утром выезжали на богослужение, машина подчас застревала в глубоком снегу, и отцу Владимиру в рясе приходилось ее толкать. Да и дом наш, ветхий и обшарпанный, никак не был пригоден для зимнего проживания – в нем чуть только мороз, тут же норовили замерзнуть трубы, поэтому их надо было постоянно дополнительными ухищрениями разогревать – я придумала для этого собственное «ноу-хау»: наливала в двухлитровые полиэтиленовые бутылки очень горячей воды, но не кипятка, потому что от кипятка они деформировались, а потом раскладывала эти бутылки по «слабым» участкам труб. Однако вода быстро остывала, и поэтому ее надо было менять не реже, чем через каждые три часа. Кроме того, надо было пускать струйку воды, чтобы не замерз водопровод. То есть это было целое трудоемкое дело – чуть зазеваешься, и трубы замерзли, надо их теперь долго и упорно отогревать «ветерком», феном... Ну и кроме того, в доме было ужасно холодно, несмотря на рефлекторы. Так что жизнь в первые десять лет священства отца Владимира была у нас очень тяжелая, особенно зимой. Я так подробно останавливаюсь на этих, вроде бы мелких, бытовых трудностях, но ведь они – составляют тот фон, на котором происходит и без того очень напряженная жизнь священника, постоянно окруженного людьми, подчас очень проблемными, порой невротичными, с запутанными обстоятельствами, трагическими судьбами, непрестанными скорбями, ужасными болезнями. И от этих людей никуда не уединишься – отец Вла-

димир не мог ни пропустить богослужение, ни «прогулять» дежурство в храме, ни дома выключить телефон даже из-за высокой температуры – так больной и продолжал нести свое иерейское послушание. А однажды, когда неким было его заменить, так даже служил литургию на следующий день после операции, со свежими, еще неснятыми на руке швами.

Что касается меня, то я с юности привыкла ложиться очень поздно, порой под утро, поскольку писала именно по ночам – днем работать мне не давали дети, да и вообще всякие дневные заботы.

А тут пришлось перестраиваться – вставать ни свет ни заря. Но поскольку писать я все равно продолжала, то подчас получалось так: работаю часов до трех ночи, а потом надо вставать в половину шестого утра, садиться за руль и мчать себе по обледенелой дороге на тяжелой неповоротливой и почти не умеющей тормозить машине.

Автомобилизм, собственно, никогда не был моим «увлечением» – в какой-то момент жизни нашей семьи стало необходимым, чтобы я села за руль. Был у меня и такой период – практически весь Великий пост, когда я работала шофером у игуменьи Серафимы (Черной) – настоятельницы Новодевичьего монастыря: она попросила – я согласилась. Вот я и гоняла по делам монастыря с раннего утра до глубокой ночи: тогда монастырю только-только отдали подворье неподалеку от Домодедова, и его надо было использовать как подсобное хозяйство. Я возила туда и обратно матушку-игуменью,

священников, послушниц, а также всякую живность – гусей, коз, которых жертвовали благочестивые миряне.

Но вообще, что касается автомобиля, то в условиях мегаполиса, когда на поезде легче доехать из Москвы в Петербург, чем добраться от одного конца города до другого, автомобиль стал необходимостью, особенно при наличии большой семьи. Все мои дети теперь тоже водят машину: ездят на работу, возят своих детей. А что касается меня, то мне почему-то всегда «мужские» занятия удавались лучше, чем женские, и устройство машины мне понятнее и интереснее, чем, скажем, выкройка, узор для вышивания или какой-нибудь тип вязания. Ну что ж, оказалось, что именно такое устройство больше подходит именно к моей жизни. А может быть, это какие-то издержки моей профессии – несомненно, скорее мужской, чем женской.

Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая всю эту жизнь, с ее бурными обстоятельствами, искушениями, трудами, бре-
менами, я порой не верю, что мы это могли преодолеть. Что
касается меня, то я не могу понять, как практически мож-
но было при таком образе жизни, при скорбях, которые все-
гда выпадают на долю священников и его семьи, в гуще лю-
дей с их психологическими особенностями и проблемами не
только растить детей и читать лекции, но и писать книги. Ко-
нечно, без помощи Божьей – и явной, и прикровенной – это
было бы никак не возможно. Тем более что мой духовник –
и до священства моего мужа и уже после принятия им сана
– неизменно благословлял и даже вдохновлял меня на писа-
тельские труды.

Ну а с другой стороны, конечно, если бы мой муж стал священником еще в совсем молодом возрасте, сразу после нашего венчания, и не нависала бы над нами тень нашей писательской профессии, которая оказалась востребованной и в лоне Церкви, то наша жизнь, быть может, была бы более похожа на жизнь священнической семьи: батюшка бы служил в храме, вел духовную работу с прихожанами, а матушка просто растила бы детей и держала двери своего дома распахнутыми, потчужа духовных чад мужа и пирогами, и блинами, и борщами, и картошечкой с соленым огурчиком. Я знаю такие семьи священников, и сердце всегда радуется возле них.

Дети всегда участвовали в нашей жизни – они дружили с нашими друзьями, с некоторыми из них с раннего детства, и до сей поры они на «ты». Поскольку к нам приезжало много дружественных монахов, а как известно, нет людей более чистосердечных, радостных и мудрых, чем монахи, дети никогда не чувствовали себя обделенными радостями жизни – им было интересно слушать удивительные истории о том, на какие каверзы пускается лукавый, чтобы искусить и навредить христианину, и о том, как Господь помогает каждому человеку, спасая его от беды, предупреждая и увещевая, удивляя и утешая. Порой они воочию могли убедиться, что Господь наш бесконечно любит нас, заботится, как милостивый Отец, знает тайные помышления нашего сердца, как истинный Сердцеведец, что Он действительно еще на нашем веку и на наших глазах «возводит низверженного» и «воз-

носит смиренного», а «богатящегося» отпускает ни с чем. Очень важно научить ребенка видеть связь греха с его тяжелейшими последствиями, а также с неизбежным возмездием за этот грех. И все это так. Но еще важнее явить ему, что суть подлинных отношений с Богом – в нашей любви и нашей свободе. «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте», – говорит Своим ученикам Сам Господь. Так вот – поставить любовь к Господу главной мотивировкой к исполнению закона есть, может быть, самое существенное в наших отношениях и с Богом, и с миром, и самими собой.

И если ребенка наставлять в Законе Божьем, то непременно нужно делать это в процессе живой жизни – прежде всего учить его отыскивать следы Промысла Божьего, свидетельства Божьего попечения о нас. Тогда и будет преодолен разрыв между теоретическим научением и практическим существованием дитяти в мире, тогда он и не будет себя ощущать в некоем «православном гетто», выйдя из которого ребенок рискует обнаружить себя в чужом враждебном стане и накопить в себе агрессию против него: Господь равно дождит на злых и добрых, солнце сияет и праведникам и нечестивцам. Верующие родители имеют власть вручить своим детям ключ живой веры, которым отпираются запертые двери жизни, но такой способ понимания мира возможно передать лишь личным примером.

Потом дети вырастают, и оказывается, что они хотят жить собственной жизнью: они забывают какие-то практические

вещи, которым ты их учил, они выбирают себе не ту профессию, которую ты бы хотел для них, но у них остается самое главное – это навык пытаться интерпретировать события своей жизни в свете Промысла Божьего. Лишь тогда жизнь становится путем самопознания и Богопознания – послушание и дерзновение, чувство личной ответственности и уверенность, что судьба твоя находится в крепких руках Промыслителя.

Конечно, все мои дети ходили и в воскресную школу, и в православную гимназию, но главное религиозное воспитание они получали и дома, и в храме, и в монастыре, куда ездили на каникулы на послушание, то есть в течение самой их жизни.

А что касается отношений родителей со своими взрослыми детьми, то тут очень важно, с одной стороны, не стремиться к тому, чтобы втянуть детей в собственную жизнь и растворить их в ней, а с другой стороны, при всем своем участии, сострадании и реальной помощи не пытаться самим жить за них, жить вместо них.

Сейчас наши с отцом Владимиром дети уже взрослые. Старшая – Александрина – преподает в лицее, пишет сценарии для телеканала «Культура», печатается как литературовед в толстых журналах и сотрудничает с православными изданиями как журналист. Сын Николай – уже диакон, у него есть своя фирма под названием «Тектон», занимающаяся строительством деревянных храмов по старинным тех-

нологиям – без гвоздей. Младшая дочь Анастасия – студентка Литературного института им. Горького. Помимо того, что она студентка, она еще и макетирует книги.

У каждого из них уже есть свои дети: всего – восемь. Так что дети наши унаследовали от нас представление о жизни как череде подвигов и трудов, но ведь если ты любишь дело, которым занимаешься, то оно оборачивается для тебя праздником.

До 1988 года я писала исключительно стихи. Но потом я почувствовала, что не все может быть выражено этим видом литературы. И я написала свой первый роман. В начале 90-х, когда произошел государственный, общественный и культурный слом и наступило «время публицистики», я стала писать эссе параллельно со стихами и прозой. Мне кажется, что такая «смена языков» очень полезна для писателя, ставя перед ним каждый раз новые художественные и интеллектуальные задачи и не позволяя окостеневать в ранее освоенных границах.

В 2008–2009 годах я вела на телеканале «Спас» по очереди с Дмитрием Дибровым телепередачу «Основы православной культуры», главная задача которой была просветительская. Совместно с приглашенным гостем программы мы пытались донести до наших телезрителей и вероучительные истины Православия, и основы экклесиологии, и этапы истории Церкви, а при этом обсудить церковные проблемы в контексте современной жизни... За годы атеистической про-

паганды вокруг Православияросло огромное количество превратных представлений. Это и заведомо ложные, и просто искаженные суждения. Моя цель была в том, чтобы попытаться кое-какие мифы развенчать, кое-какие языческие взгляды разоблачить, кое-какие наветы упразднить и хотя бы отчасти через гостей, которых я приглашаю на передачу, дать образ Православия как религии любви и радости, творчества и свободы.

А в 2009 году я написала сценарий по своей повести «Кукле из рода Серафимов», который был куплен для кинопостановки. Теперь, когда у меня есть хоть какой-то опыт в этом деле, мне хочется написать драму. Тем более что жизнь подкидывает так много сюжетов и посылает таких удивительных людей, которые вполне могли бы стать литературными персонажами.

Ольга Ганаба

Протоиерей Александр Ганаба (р. 1956) – секретарь Московского Епархиального управления, настоятель Троицкого собора г. Подольска, ректор воскресной школы при Троицком соборе г. Подольска.

Ольга Ганаба (р. 1954) – переводчик. Закончила Институт иностранных языков имени М. Тореца (теперь МГЛУ), много лет работала в Отделе внешних церковных связей. Проректор воскресной школы при Троицком соборе г. Подольска. Вырастила четверых детей.

Слово благодарности

Прежде всего мне хотелось бы сказать о родителях. Когда я соглашалась на интервью, я подумала, ну что такого особенного в нашей семье, да, конечно, семья священническая, традиционная, династия. Когда я прихожу в наш приходской храм и вижу четыре поколения нашей семьи в алтаре за службой (отец моего мужа протодиакон, муж и дети у престола, внуки прислуживают, подают кадило, выходят со свечами), дочь – на клиросе, меня охватывает трепет и огромная благодарность Богу, я сама порой не верю, как это со мной так произошло, что у меня такая семья. Но надо понимать, что мы не были бы такими, какие мы есть, без наших родителей, без неустанной молитвы наших бабушек и дедушек. Им мы обязаны всем. Им, этому поколению родившихся в конце 1920-х годов, людям, детство которых при-

шло на суровые тридцатые и военные сороковые, а молодость, взросление и становление характеров – на хрущевские годы, когда всей стране обещали показать последнего попа. Да, в этой среде нет мучеников и исповедников (или они пока еще не явлены!), – потому очень часто людям с неофитским пылом в крови кажется – ну что такого особенного они сделали? Есть даже те, кто дерзает обвинять то поколение в соглашательстве и конформизме, а то и в прямом предательстве Церкви... А на самом деле они долгие годы без видимых миру страданий, в ежедневном служении несли на своих плечах Церковь и просто жили по-христиански в атеистическом окружении. А еще они умели молиться по-настоящему, как мало кто из нас умеет молиться. Они были глубоко укоренены в церковной жизни, поскольку церковный богослужебный круг определял весь строй их жизни. Как мне кажется, они имели подлинное богообщение, о котором мы сейчас и понятия не имеем! И все, что сейчас у нас есть: храмы, воскресные школы, социальные диаконические центры – все заложено их трудами, их молитвами, их чаяниями. Это поколение тех людей, кто были учениками, друзьями, детьми и духовными чадами тех великих и святых людей, кого мы почитаем сейчас как новомучеников и исповедников Церкви прошлого века. Они положили основание всему тому, что мы имеем сейчас в наших приходах и общинах. Наша обязанность, наш долг воздать слово благодарности нашим родителям, сказать им наше спасибо, пока они еще живы, пока

они с нами.

Мой отец, Василий Михайлович Лебедев, – священник, а затем – архиерей, епископ. Сейчас ему пошел 83-й год. Со своей последней кафедры (архиепископа Брянского и Севского) он ушел на покой уже очень больным человеком, перенеся не один инфаркт и несколько инсультов. Практически был недвижим и не говорил. Но мы не теряли надежды поставить его на ноги. Когда близкий вам человек впадает в такое состояние, вы понимаете, что он может уйти, а вы не расспросили его о самом важном – о его жизни! И вы со страхом чувствуете, что время упущено... Ведь когда ваш отец монах, а затем архиерей, он не принадлежит вам, как принадлежат обычно отцы детям, его жизнь была отдана Церкви, епархии, служению. Ухаживая за ним, я поняла, как драгоценно наше общение с близкими, которое мы зачастую воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Мы с отцом очень много разговаривали, когда он стал восстанавливаться... Как ни странно, он не вспоминал ни заграничные поездки, ни какие-то блестящие моменты своей карьеры, а больше всего – свое детство. Нищее детство, в нужде, во время социальных перемен.

Он родился на стыке Московской, Владимирской и Рязанской областей в маленькой деревне Ново-Черкасово. Сейчас это Шатурский район Московской области. Его отец и дед из поколения в поколение занимались плотничеством. Когда же после гражданской войны всех загоняли в колхозы, они

остались единоличниками. В результате семья была обложена огромным налогом, платить который они не могли. Так они оказались вне общества. В конце 1920-х – начале 1930-х шло большое строительство, нужны были плотники, его отец, и мой дедушка, работал в плотницкой артели в Москве. А когда ненадолго возвращался домой, вынужден был скрываться от местных властей. В доме была нищета страшная, и Прасковья Викторовна, так звали маму моего отца, весь груз семейного хозяйства, детей, везла на себе. А семья была большая – 11 человек, половина детей умерли от голода и болезней. Отец рассказывал: когда приходили собирать налоги, входят в дом – а в доме ничего нет, только чугунок каши в печи. Мама пытается спрятать чугунок, говорит – это детям, они голодные, но пришедшие обыскивают дом, находят только этот чугунок и уносят.

И прадед, и дед всегда были близки к Церкви, в детские годы моего отца дед был даже церковным старостой. Так что любовь к Церкви в этой большой семье была укорененной, глубокой, можно сказать – в крови. В семье читали церковнославянские книги, богослужебные, Псалтирь, Библию, жития святых, дети очень рано начинали прислуживать в храме.

Ближайший храм в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы был в селе Шеино в полутора-двух километрах от Ново-Черкасова. Отец вспоминает, что высшей радостью для него было прислуживать в алтаре. Первые два года школьного возраста он в школу не ходил, как папа сам гово-

рил, не в чем было, да и помощь нужна была дома. Он очень рано научился читать и, конечно, не по советским букварям и азбукам. Пел на клиросе. Вот это он вспоминает как самую большую радость и основное наполнение жизни. Настоятель Казанской церкви, протоиерей Николай Постников в 1930-е годы был арестован. Отцу было 10 лет, и он помнит, как за батюшкой приехали. Это была осень, сентябрь или октябрь, тот вышел в одном подрясничке, ему не дали одеться, посадили в телегу, и матушка его бежала, бежала босиком по этой слякоти, потому что не было возможности им проститься. Больше его никто не увидел, и только потом стало известно, что уже в ноябре отца Николая расстреляли на Бутовском полигоне. Он прославлен теперь в лике новомучеников.

Когда Казанский храм закрыли, до следующего нужно было идти уже километров десять, да по бездорожью. А как не идти! Храм – центр жизни, а все остальное вторично. И вот они ходили в село Прудки Спас-Клепиковского района Рязанской области в церковь Рождества Пресвятой Богородицы, и до сих пор на столе у отца стоит фотография настоятеля этого храма, отца Василия Ушморова. Он очень почитает его как своего первого наставника. Потом и этот храм тоже был закрыт и разрушен. А когда отец Василий был выслан, то Лебедевы стали ходить еще дальше, в село Великодворье, которое все называли просто Пятница, потому что там была церковь Параскевы Пятницы. Так и ходили почти за 30 километров с хвостиком: сначала до озера, потом на лодке на дру-

гой берег, мимо нескольких деревенок, да через лес. И там мой отец встретил удивительного человека. Это был священноисповедник протоиерей Петр Чельцов. Священник того поколения, которое соединяет нас с претерпевшими в 1930-е годы мученическую кончину. Он умер в 1972 году, а родился в 1888-м. Почти сто лет прожил и служил до последнего дня. Арестовывали его шесть раз. Если посмотреть следственное дело отца Петра, поражаешься, как такое вообще можно выдержать: арест, тюрьма, возвращение, арест, ссылка на Соловки, возвращение, опять арест, Владимирская пересылка, снова возвращение, снова арест, снова ссылка... И для многих и многих молодых людей за долгие годы своего служения отец Петр стал духовным руководителем и образцом жизни во Христе. Теперь он прославлен в лике новомучеников и молится за всех своих духовных чад. К отцу Петру Чельцову приезжали для беседы многие, в том числе и будущий митрополит Никодим (Ротов) и будущий архимандрит Авель (Македонов), и мой отец. Молодые как бы грелись во круг отца Петра. Он их питал своей духовной энергией. Из этого кружка выросла крепкая дружба на всю жизнь. В жизни этих трех человек я вижу три важнейших вида церковного служения: отношения с государством, созерцательная молитва, приходская жизнь. Владыка Никодим станет крупным церковно-политическим деятелем. Отец Авель – будущий игумен афонского Пантелеимонова монастыря, затем архимандрит и наместник возрожденного Иоанно-Богослов-

ского монастыря под Рязанью. И приходской священник Василий Лебедев, который тогда и не думал, что ему уготовано быть епископом. Это то поколение, которому мы за многое должны быть благодарны. В них жило ощущение, что в Церкви много порушено и нужно вывести ее из этого состояния.

Отец Петр очень во многом помогал моему отцу, даже одеждой, – первый подрясник отца был подарен ему батюшкой Петром. Матушка Мария, супруга отца Петра, всегда старалась подкормить молодежь, которая наполняла дом, несмотря на очень и очень скромные условия, в которых они жили. А как они радовались успехам молодого отца Василия! Когда он закончил академию, написал кандидатку и получил право носить академический крест у ворота рясы, матушка Мария, называвшая своего супруга «папой», говорила с гордостью: «Мой папа ученый, а теперь и ты (Василий) ученый!»

В конце войны отец работал на заводе учеником слесаря. А когда война закончилась и на территории Новодевичьего монастыря открылись богословские курсы, позже преобразованные в семинарию, поступил учиться, а в 1950-м уже был рукоположен во священника.

Новой стезей

У моего отца в жизни все сложно получилось. Он был

приходским священником и женатым. После семинарии получил назначение в Преображенский храм села Бесово Московской области. Потом был переведен, и я родилась уже в селе Туголес Шатурского района. Я отца всегда воспринимала как строителя (все-таки в роду плотники, строители). Вот он пришел в Преображенский храм. Все было в запустении. Крыша рушится, он идет к властям просить железа. Ан нет, отказ. И исхитриться в те времена добыть железа для крыши, краску, штукатурку, это нужно было уметь! Я не знаю, как он это делал. Видимо, просто благодаря огромной вере в то, что когда очень надо и очень хочется, Бог Сам посылает людей, дает помощь. И отец всегда строил, строил, строил. И если видел, что в храме что-то не так, что нужно делать какой-то ремонт – он действовал. Для него это было совершенно однозначно. Но на первом месте для него всегда было служение, молитва. Он был действительно из тех священников, в молитву которого люди верили настолько, что и взаправду брали зонтик, идя молиться о безведрии. В 1955 году его перевели в село Молоди Чеховского района, и там он тоже занимался и благоустроенней храма, и строительством общины.

До революции сельский священник, получая назначение на приход, получал вместе с ним и какой-то земельный надел, но в моем церковном детстве такого уже не было. Не было у священника возможности иметь собственное хозяйство. И потому село Молоди я не воспринимала как село, у нас не было какого-то крестьянского образа жизни вроде обработки огородов или ухода за скотом. Хотя, кажется, были куры... Мы жили в доме при церкви. И этот дом стал настоящим центром приходской жизни. Отец – тогда совсем молодой, 28 лет, он всегда был очень искренним и жизнерадостным человеком, по характеру веселым и легким в общении. Когда он, совершая службу, выходил проповедовать, то говорил легко и доступно для всех. Со слезами говорил, потому что не мог без сердечного волнения рассказывать о еван-

гельских истинах. Так живо все проходило через его сердце, что слушатели плакали. А как закончится служба – тут и самовар в доме, и беседы. У него был такой удивительный дар – притягивать к себе людей... Я знаю, люди приезжали на электричках из разных мест, и свои местные, конечно, ходили. Почему-то я очень ярко помню мое детство конца 1950-х: в доме всегда гости, какие-то веселые молодежные компании. Зимой прихожане отправлялись на лыжные прогулки, батюшка – впереди, весной – за березовым соком, летом, осенью – по грибы, вернутся – чай, самовар с шишками. В длинные теплые летние вечера самовар ставили на улице, в ограде храма, сидели подолгу, говорили и пели. Ах как пели! Духовные песнопения, канты, народные протяжные песни. У моего крестного – регента нашего хора, который так и жил при храме, в комнатке под колокольной, – был удивительный голос, он мог петь любую партию в хоре – басовую, теноровую, альт, – и он умел организовать хор, спевки. И всех своих хористок он называл «девочками». А девочки некоторые были уже с седенькими волосиками.

А вот еще воспоминание из детства: отец занят, работает в кабинете – заходить, мешать нельзя. В кабинете все стены заняты высокими под потолок шкафами с книгами, и среди них моя любимая, которую разрешалось открывать только за очень хорошее поведение (и значит, очень редко!) – толстенная Библия в старинном переплете, с гравюрами почти на каждой странице. Каждая гравюра проложена листами папи-

росной бумаги. Непередаваемое ощущение, когда тебе разрешают открыть эту книгу, осторожно приподнять листок папиросной бумаги и увидеть эту красоту, а тебе поясняют – вот это Моисей со скрижалями, от его лица идет свет! В кабинете огромный письменный стол, на столе непременно пишущая машинка, отец быстро-быстро печатает двумя пальцами. Уже став взрослой, я узнаю, что он составляет службы некоторым святым, пишет акафисты. Перепечатывает богослужебные книги для клироса, составляет толкования к уставу, создает удобный для пользования типикон...

Я помню храм, всегда полный прихожан, красивое пение за службой, очень красивое убранство внутри. К 1961 году, когда нашу молодинскую церковь закрыли, в ней только-только обновили живопись, позолотили иконостасы. Там была дивная роспись, редкая по качеству для деревенского храма. И во мне сохранилось детское впечатление навсегда: храм – это красота невозможная! Когда местные старушки узнали, что храм будет закрыт, они там заперлись изнутри, а милиционеры или дружинники

их выгоняли, буквально вышвыривали из храма. Потом в нашей церкви открыли клуб – танцы, кино, дискотеки, но, надо заметить, местные жители туда не ходили. И тогда власти привозили народ откуда-то специально. А в нашем церковном доме устроили медпункт и библиотеку. (Сейчас храм в Молодах снова открыт, спустя ровно 30 лет после его закрытия, в 1991 году в нем начал служить мой брат, священ-

ник Константин Лебедев. Когда вся наша семья пришла на первую службу молодинские жители со слезами обнимали нас и говорили: «Мы помним вас маленьких, мы помним нашего батюшку, отца Василия».)

А мы после закрытия храма ездили в Лавру, в Сергиев Посад, тогдашний Загорск. Потом купили там домик и переехали. Отец тогда сказал: «Тут комнатка будет для меня». Но так не получилось. В 1961 году с закрытием храма и наша семья разрушилась... Мама с нами, детьми, переехала в Климовск, а отец принял монашество и был назначен, кажется, в Орехово-Зуево. Начинался новый период его жизни – архиерейский. Много позже мне рассказывали, что когда отец, уже владыка Мелхиседек, был на Венской и Австрийской кафедре, из его архиерейских покоев с раннего утра доносилось пение. Нельзя сказать, что у него был какой-то особый голос или он был очень одарен музыкально. Но не петь он не мог, потому что лучшее для него было – петь службу, или петь молитвы на гласы, или акафисты на распев. Отец говорил, например, что если ирмосы читают, то лучше их опускать. И конечно, много было искушений для людей, потому что утром час поет, два поет. Пока не споет всю утреню. А потом только спускался в приемную.

А моя мама, оставшись одна с четырьмя детьми, начала учиться. С четырьмя детьми она смогла сделать из себя инженера-технолога, получив соответствующее образование. Конечно, ей было очень тяжело. Да к тому же к нам без

конца ходили какие-то тетеньки из учреждений – ну как же! поповская семья распалась! – и предлагали детей куда-то отправить, в интернат, в детский дом. Это была особенность советской системы: в деле разложения Церкви не на последнем месте стояло и разрушение семей. Потому что разрушение Церкви – это не только закрыть храм, не только оклеветать священника, не только задавить его налогами, 90-процентными, заметьте! – но и нарушить мир в семье. Многие матушки поколения моих родителей скажут, что их семьи старались разрушить. Поэтому не все семьи хорошо жили в эти 1960-е годы. Но мама нас не отдала, всех поставила на ноги и не позволила исчезнуть их наших детских сердец образу отца-священника. Праздником для нас бывало быть в Лавре, у преподобного Сергия, или на каникулах в родственных семьях священников, старшего брата владыки, отца Алексия, и отца Виктора, мужа его сестры, которые служили в деревенских храмах в Подмосковье.

О простой непростой любви

Господь соединяет людей разными путями. Когда мы познакомились с моим будущим мужем, мы нашли друг в друге очень много общего. Он тоже из семьи простой, крестьянской, раскулаченной до последней нищеты. Его дедушка был настоящий справный крестьянин, украинец. Жили они в с. Белополе Шепетовского района Хмельницкой области. Се-

мья была доведена до крайней бедности. И его дедушка всегда был церковным старостой, но в их селе храм не закрылся. И таким же, как и в семье моей бабушки, было отношение к церкви как к центру жизни, и к праздникам церковным. Моя бабушка, Прасковья Викторовна, из рода Акимовых. Они были очень строгие, очень истовые верующие. Тогда даже было такое понятие – церковники. Неукоснительно соблюдали посты, неукоснительно чтили праздники. Некоторые семьи, церковные, православные, считают, что праздник важно чтить, посещая храм, литургию. Но при этом дом может быть запущенным, неопрятным, а дети – неухоженными. Вот этого не было в семье моей бабушки. Там было, что называется, бедно, но чисто. К празднику ты должен был подготовиться полностью. Умри, но дом перед праздником должен быть намыт-начищен до блеска. Такая строгость была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.